

него «теория заимствований», имевшая долгое время неограниченный кредит и применявшаяся там, где возможно и невозможно, — вследствие некритичности и неосторожности своих адептов совершенно потеряла его среди «ученых-максималистов», ищущих какой-то универсальной отмычки для всех вопросов литературоведения, тогда как опыт учит нас, что для решения их нужны различные технические приемы. К тому же тому, кто не работал над международным материалом трудно сознаться, что и сравнение может к чемунибудь пригодиться. . .

Обыкновенною ошибкою в случаях неудачного пользования сравнительным методом является игнорирование исторических условий, в которых создавалось изучаемое произведение: не считаются, например, с биографией писателя, не спрашивают, мог ли он заимствовать тот или иной элемент своего произведения, знал ли он язык предполагаемого источника, имел ли его в руках и т. п. Упускают из виду условия жизни общества и самый характер предполагаемого «заимствования», являющегося в сущности словесным выражением «пдей века». Кроме того, даже недолгое наблюдение над фактами убеждают нас, что ничто совершенно чуждое психике писателя (или среды — в области устной традиции) не заимствуется: в основе «заимствования» лежит сродство интересов, и притом не только личных, но — что важнее — общественных, классовых.

Как вскользь замечено выше, никакое подражание, заимствование — не бывает буквальным повторением оригинала. Уже тот факт, что подражатель живет позже своего оригинала, т. е. в эпоху, отличающуюся своими особенностями, является обстоятельством, мешающим буквальности заимствования. Одна и та же идея на разных этапах классовой борьбы заставляет писателя иначе реагировать на нее. Таким образом механического заимствования не бывает; даже при переносе готовых эпизодов, отдельных сюжетных единиц, — мы встречаем их в ином обрамлении, употребленными в дело с новым пониманием их значимости.

Заимствуемое всегда претворяется, либо вновь соотносится, координируется с фактами жизни новой общественной среды в процессе ее формирования. Даже в повторяемые готовые формулы в некоторых древнерусских памятниках вкладывается новый оттенок, и, стало быть, новое их понимание. Таким образом буквального, тождественного заимствования никогда не бывает.

Можно ли отказаться литературоведу от применения сравнительного метода? Полагаю, что нельзя; но следует подчинить пользование им определенным установкам современного литературоведения. Сравнительный ме-